

ТЕКСТ – ДИСКУРС – ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ

А. Д. КАКСИН

(Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Россия, Абакан)

УДК 821.161.1-32(Тургенев И. С.)

ВОСПЕВАНИЕ «ШИРОТЫ РУССКОЙ НАТУРЫ» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА: «ПЕВЦЫ» И «МУМУ»

Аннотация. В предлагаемых заметках дается краткая характеристика мировоззренческих позиций и писательского мастерства раннего И. С. Тургенева (1836–1856). Более конкретно речь идет о взглядах писателя на характер, натуру простого человека – русского крестьянина. Проводится мысль о том, что во многих произведениях этого периода (для примера взяты два рассказа, «Певцы» и «Муму») отражен взгляд И. С. Тургенева на русских крестьян как на людей широкой души, благородных и великодушных, способных ценить доброту и красоту окружающего мира. В стиле описания Герасима – великана с ранимой душой и ценителей пения, собирающихся в придорожном кабачке, угадывается искреннее восхищение писателя такими, внутренне глубокими, людьми. Нельзя также не заметить, что читателя привлекает также художественное совершенство той формы, в которой воплощен этот взгляд. Особенная черта всех рассказов раннего Тургенева – легкость слога. Особенно хороши два описания – пути Герасима в деревню и пения Якова, в которых писательское мастерство и творческий стиль автора воплощены наиболее ярко, производят неизгладимое впечатление.

Ключевые слова: герменевтика; литературные образы; литературные герои; идейное содержание; художественный стиль; литературное творчество; крестьянство; русская литература; русские писатели.

Перечитывая произведения русских классиков, всякий раз убеждаешься: некоторые из них обладают какой-то особой притягательной силой. Такие, магнетические, произведения есть в каждом периоде развития русской литературы – и древнем, и во всех последующих [См.: Ермоленко 2014; Зырянов 2016; Ложкова 2017].

Можно предположить, что во многом это обусловлено одним важным их качеством: в них отражен честный, непредвзятый взгляд автора на характер русского человека. Можно сформулировать немно-

го иначе: эти произведения ценны для читателя, потому что они обладают равно и художественной ценностью, и психологической глубиной, смысловой емкостью.

Если смотреть на них с позиций литературоведения, можно отметить следующее: они идеально подходят для того, чтобы рассматривать их в рамках такого направления, как герменевтика. Как известно, герменевтика – это теория интерпретации текста и наука о понимании смысла. Этимологию слова-термина соотносят с именем древнегреческого бога торговли, покровителя дорог – Гермеса, передававшего повеления олимпийских богов людям. Подразумевается, что, осуществляя это важное действие, Гермес мог каким-то образом трансформировать исходный текст, то есть доносить не оригинал (или хотя бы копию), а свою интерпретацию. Кажется, что перед нами – две равнозначные ситуации. Сходство, однако, относительно. В ситуации с олимпийскими богами значимо само наличие фигуры транслятора, но что же является промежуточным (одновременно и связующим) звеном между авторским текстом и читателем? По-видимому, этим виртуальным звеном служит следующее обстоятельство: хотя существует и временной разрыв, и разность человеческого материала, все это снимается, нивелируется силой художественного слова. Именно в этом зримо и ярко проявляется эстетическая (или поэтическая) функция языка, производная от других его функций:

«Двумя главнейшими, базовыми функциями языка являются коммуникативная... и когнитивная... К ним тоже в качестве базовых добавляют *эмоциональную* функцию языка – быть одним из средств выражения чувств и эмоций... С эмоциональной функцией ... соотносимо выражение творческих потенций, которое в разных научных областях объединено с когнитивной функцией, но наиболее полно реализуется в художественной литературе, особенно в поэзии» [Слюсарева 1990: 564].

Диалектически развивая мысль о сегодняшнем нашем восприятии произведений классиков, можно указать также на ценность тех морально-нравственных устоев, что олицетворяют некоторые персонажи. Обсуждение нравов отдаленной эпохи, поступков героев способствует формированию мировоззрения, воспитанию чувств современных людей. И, прежде всего, в процессе такого обсуждения (в частности, в беседе учителя с учениками) полезно выработать нужную терминологию, то есть определенным образом назвать тот или иной поступок героя (или стиль его поведения). Вот, к примеру, целый ряд поступков людей, героев произведений И. С. Тургенева, трактуется как «уход из мира»: «В прозе И. С. Тургенева ситуация “ухода из мира” представ-

лена в нескольких вариантах: уход из дома..., отъезд из страны..., отказ от прежнего образа жизни..., приход в монастырь..., принадлежность к секте..., уход из жизни... Уход из мира выбирают тогда, когда конфигурация внутреннего мира героев не согласуется с тем, что есть во внешнем мире» [Швецова 2014: 203-204].

Итак, часто до разговора о поступках (действиях) персонажей необходимо обозначить и морально-этическую тему (проблему) произведения. Вот, например, рассказ И. С. Тургенева «Певцы» (1850). Он входит в цикл «Записки охотника», в котором отражены впечатления от странствований Тургенева по Орловской губернии, где располагалась семейная усадьба писателя. Тургенев с удовольствием предавался охоте, много бродил по окрестностям Спасского-Лутовиново, и в поле его зрения попадали и разного рода пейзажи, и местные жители с их бесхитростными нравами. Это общая характеристика, притом всего цикла, а как можно определить тему вот этого конкретного рассказа, «Певцы»? На первый взгляд, можно согласиться с мнением о том, что речь идет опять же о неказистой природе (о неудачном расположении населенного пункта), о бедности крестьян и – вместе с тем – их склонности часто посещать питейное заведение. А как иначе оценивать следующее вступление! «Небольшое сельцо Колотовка ... лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуще реки, – через реку можно по крайней мере навести мост, – разделяет обе стороны бедной деревушки. ... Невеселый вид, нечего сказать, – а между тем всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку: они ездят туда охотно и часто. У самой головы оврага ... стоит небольшая четвероугольная избушка. ... Над дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка – кабак» [Тургенев 1980: 208].

Вообще, отношение писателя к своим героям вполне определено уже в названии. Как показало одно из исследований раннего творчества И. С. Тургенева, писатель уделял особое внимание вопросу о названии очерков цикла «Записки охотника». «Автор в качестве субъекта сознания неоднократно их изменял, так как ему было важно учесть психологию читателя, который будет воспринимать текст. Поэтому в заглавие рассказов заложена авторская оценка изображаемого, которую и улавливает читатель» [Гарева 2009: 10-11].

Итак, читая дальше, после вступления, этот очерк, читатель понимает, что взгляд на его героев как пьяниц, бездельников – слишком прямолинейный, такой вывод – преждевременный: вовсе не затем, чтобы выпить, местные мужики ездят к означенной избушке. Дело обстоит иначе, значительно сложнее: хозяин заведения – примечательная

личность, с ним интересно вести беседы, к тому же там, оказывается, проводятся состязания в певческом искусстве! И вот в этом состязании певцов и проявляются все лучшие качества простых русских людей: интерес к окружающим, любовь к пению (эстетическое чувство), умение оценить человека и другие. Иными словами, это те качества, которые можно объединить одним наименованием – широта души. Особенно ценятся люди, в которых сильно творческое начало. Яков – именно такой, и то, как он душевно поет, окружающим очень нравится, и они умеют оценить такую манеру пения. Описание пения Якова является центральным эпизодом, этот отрывок является подтверждением писательского мастерства, таланта И. С. Тургенева и лучшим, непревзойденным свидетельством того, что словами очень трудно, но все-таки можно – передать пение! Вот, послушайте.

«– Ну, полно, не робей. Стыдись!.. чего вертись?.. Пой, как бог тебе велит.

И Дикий-Барин потупился, выжидая.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впилась в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же, наконец, Яков открыл свое лицо – оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но всё еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым – третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролегла», – пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковым, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал

более – он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдаль, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся – жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иванович потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке – словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он еще петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взором обвел всех кругом и увидел, что победа была его...» [Тургенев 1980а: 220].

Этот фрагмент можно, конечно, разобрать на отдельные составные части, элементы: он хорош, незаменим на занятиях по основам лингвистического анализа. Достаточно легко выявляются все образные средства, его составляющие: эпитеты и сравнения (чего стоит только одно развернутое сравнение – твердости голоса Якова с чайкой), гиперболы и метафоры. Еще можно отметить совершенно замечательный прием – повтор сочетания ‘пел он / он пел’. ... Другими словами, отобранные все самые замечательные средства русского языка, и все вместе они, действительно, совершенно точно передают не что иное, как *пение*. А потом – *восторг* от пения!

« – Яша, – проговорил Дикий-Барин, положил ему руку на плечо и – смолк.

Мы все стояли как оцепенелые. Рядчик тихо встал и подошел к

Якову. “Ты... твоя... ты выиграл”, – произнес он наконец с трудом и бросился вон из комнаты.

Его быстрое, решительное движение как будто нарушило очарование: все вдруг заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнул кверху, залепетал, замахал руками, как мельница крыльями; Моргач, ковыляя, подошел к Якову и стал с ним целоваться; Николай Иваныч приподнялся и торжественно объявил, что прибавляет от себя еще осьмуху пива» [Тургенев 1980а: 220].

Это что касается формы и смыслового ядра данного отрывка. А вот если характеризовать тематическое, идейное содержание всего рассказа – в чем оно? Думается, что автором руководило подсознательное желание показать широту души русского человека, его стремление, хоть на непродолжительное время, отдаться восприятию прекрасного, самое умение оценить мастерство человека в каком-либо деле.

Эти замечательные качества простого русского человека показаны и в других произведениях И. С. Тургенева этого периода. В их ряду находится, конечно, и известный рассказ «Муму» (1852). Об идее и содержании рассказа выскажемся ниже, а для начала обратим внимание опять же на необыкновенную легкость и прелесть стиля раннего Тургенева. Слагаемые этого стиля рассыпаны по всему тексту рассказа, во многих местах они не очень заметны, трудно различимы, но вот в концовке обнаруживаются во всей полноте и яркости. Отметим, что и здесь их средоточие являет собой цельный и совершенный фрагмент, и даже повтор, подобный повтору в «Певцах», имеет место быть: *шагал, спешил (он) / он шел...*

«А между тем в ту самую пору по Т...у шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попоно, связал ее узлом, взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил еще тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел по нем с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба еще белел и слабо румянился последним отблеском исчезавшего дня, – с другой стороны уже вздымал-

ся синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взпуски переклинивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его пронесли сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчетные звезды, светившие его пути, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расхोdivшегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...» [Тургенев 1980b: 270].

Тема «широты души» преломляется здесь совершенно неожиданным образом. Герасим с самого начала тяготился жизнью в городе: ему было там тесно, не было ни широких далей, ни людей, близких ему по душевному складу. И вот случилось! Действие, которое было противно его душе, но которое он вынужденно осуществил, «прорвало плотину»: на пути от реки к дому барыни он, очевидно, уже решил, что больше не останется там, уйдет в деревню. И это было единственно правильное решение, поскольку оно соответствовало натуре русского человека.

Творческая манера И. С. Тургенева, безусловно, менялась, но оставались без изменений некоторые константы, авторские убеждения, стилистические находки. В частности, умение в одном образе соединить разные сущности, даже и противоположности. Этот психологизм в изображении природы человека в раннем творчестве Тургенева не случаен: он проглядывает во многих произведениях 1843-1856 гг., отчетливо виден в первом романе писателя, «Рудин» (1856), и, стало быть, органично вписывается в линию развития психологического романа в русской литературе. По мнению С. И. Ермоленко, названная линия (реализма в изображении сложной психологии человека) начинается не с известного романа М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени», 1837-1840), а чуть раньше – с незавершенного романа в письмах А. С. Пушкина (1829) и произведения В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна» (1832):

«Известно, что над романом Пушкин работал в 1829 году, а напечатан был фрагмент с большими пропусками лишь в 1857 году. Следовательно, пушкинский фрагмент, как и роман Кюхельбекера «Последний Колонна», впервые опубликованный только в 1937 году, не стал “литературным фактом” (Ю. Н. Тынянов) культурной жизни 30-х годов. Но опыт Пушкина в эпистолярном жанре был важен в его творче-

ской эволюции, приведшей к созданию собственного типа прозаического романа, в котором органично соединились “историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании”, и история становления человеческой личности (“Капитанская дочка”, 1833–1836). В творчестве Пушкина явственно заявляла о себе тенденция к все большей психологизации, которая станет определяющей в русской литературе 30-х годов. Таким образом, динамика эпистолярных жанров русской прозы первой трети XIX века соответствовала развитию русской литературы в целом, которое шло в направлении совершенствования принципов и приемов изображения внутреннего мира человека» [Ермоленко 2014: 21].

В произведениях раннего И. С. Тургенева выведены, разумеется, разные герои. Сложнее всего постигается характер главного героя первого романа писателя (Рудин, конечно, не воспринимается в одном ряду с деревенскими певцами и Герасимом):

«В центре внимания и разногласий оказался герой тургеневского романа Дмитрий Рудин, дворянин-интеллигент, “лишний человек”... В самом романе Рудин представлен как фигура сложная, неоднозначная, сочетающая в себе и достоинства, и недостатки» [Шахбанова, Горбанева 2018: 444].

Споры и размышления по поводу характера Рудина были вызваны, безусловно, тем обстоятельством, что и в реальной жизни дворяне-интеллигенты отличались особым складом ума (и характера), склонностью к рефлексии, рафинированностью в чувственной сфере. Простые люди обладали несколько другими личностными свойствами, не менее яркими и интересными. Сложность их натур – другая, не интеллигентская. К постижению и реалистическому описанию этих отличительных черт и стремился И. С. Тургенев в ранний период своего творчества. Совершенно очевидно, что в этом процессе писателю помогали свойства самого русского языка. «Широта русской натуры», которую мы находим в искомым произведениях, убедительно может быть описана именно таким языком, как русский.

«Целому ряду слов ... русского языка практически невозможно найти адекватные соответствия в других языках. В ... статье А. Д. Шмелева “Широкая” русская душа” можно найти образцы семантического анализа таких слов, как *воля, удаль, простор, разгул, размах*. Этот список можно было бы продолжить, включив в него *ширь, раздолье, тоска*. Любому из этих слов двуязычные словари дают определенные соответствия, которые на самом деле оказываются мнимыми. Истинных же соответствий просто нет, а понятным и очевидным это становится лишь тогда, когда строгий семантический анализ опирается на весь культурно-исторический контекст... Именно при та-

ком подходе ... обнаруживается, что, к примеру, *удаль* отнюдь не то же самое, что *отвага*, *смелость*, *храбрость* и их корреляты в других иностранных языках, а понятие специфически русское, включающее в себя помимо прочего и такие компоненты семантической структуры, как самолюбование, безрассудство, бескорыстие и привычка к **широким пространствам**, "...само слово (и понятие) *удаль* могло родиться только у бойкого народа, и при этом у народа, привыкшего к широким пространствам" (Шмелев, 1998, с. 53) [Корнилов 2003: 163-164].

Итак, в связи с описанием героев рассматриваемых рассказов И. С. Тургенева выстраивается вполне определенный ряд слов-контекстуальных синонимов: *широта*, *великодушие*, *воля*, *удаль*... В качестве сравнения можно привести пересекающиеся по манере исполнения отрывки из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: к примеру, целый ряд поступков людей, героев поэмы Гоголя, трактуется как «молодецкая *удаль*» и «воспоминание о юности». При внимательном прочтении «Мертвых душ» можно обнаружить, что в ткань повествования органично встроены понятия *юность* – *юный*, *молодость* – *молодой*, *ранний*, *новый* (Чичиков хочет вывести своих крестьян в Херсонскую губернию, на территорию Новой России). Другими словами, в поэме «Мертвые души» много эпизодов, в которых автор исподволь как бы убеждает читателя в том, что юность, молодость – это прекрасная пора жизни каждого человека. И не только человека, а даже страны: эта же мировоззренческая установка совершенно явно обнаруживается, на взгляд искушенного читателя, и в лиро-эпическом отступлении о 'Птице-Тройке', которая однозначно ассоциируется с устремленной вперед Русью как страной молодой, находящейся в поиске. И как тут не вспомнить соотносимые с таким пониманием строчки великого Пушкина о той эпохе, что предшествовала времени, описанному у Гоголя: «Была та смутная пора, когда Россия **молодая**, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра». Но больше всего в поэме, повторим, сказано о **молодости человека**, о том, что воспоминания об этой жизненной поре на склоне лет всегда греют душу (в тексте Гоголя есть и такой удивительный эпизод: воспоминание – о себе и знакомом человеке из далекой юности – взбудоражило даже такого скучного и черствого человека, как Плюшкин...).

Очевидно, что одним из свойств И. С. Тургенева как писателя является стремление представить каждого из своих героев как фигуру сложную, неоднозначную, сочетающую в себе и достоинства, и недостатки. Оба приведенных отрывка замечательны тем, что дают вдумчивому читателю возможность постигнуть, что есть «внутренний мир человека», учиться понимать мотивы человеческих поступков. Кроме

этого, привлекательна и сама форма подачи (художественная, образная), ярко выраженный авторский стиль. Произведения И. С. Тургенева лишний раз подтверждают, что «язык художественной литературы, язык эстетических ценностей, сам является художественной ценностью. Поэтому, в частности, правила языка художественной литературы, будучи выражены мастерами слова, предстают как предмет красоты и эстетического наслаждения» [Степанов 1990: 609].

Таким образом, уже в ранних произведениях И. С. Тургенева обнаруживается эта мировоззренческая установка – видеть положительные черты характера простого русского человека. Писатель ищет и находит высокохудожественные средства, чтобы показать русских крестьян как людей широкой души, благородных и великодушных, способных ценить доброту и красоту окружающего мира. Широта натуры показана косвенным образом: она заключается в ее неотделимости от других черт, свойственных русскому человеку. Читая Тургенева, убеждаешься в исключительной важности таких его черт, как любовь к бескрайним просторам, тяга к возвышенному и установлению справедливости, стремление к воле, свободе, к людям, в общении с которыми можно проявить искренность и великодушие.

ЛИТЕРАТУРА

Гареева Л. Н. Субъектная организация произведений И. С. Тургенева как способ психологического изображения человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 – русская литература. Ижевск, 2009. 25 с.

Ермоленко С. И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник. Серия : Русская классика : динамика художественных систем. 2014. № 3. С. 5-23.

Зырянов О. В. В сторону главного русла классической литературы // Русская словесность. 2016. № 5. С. 7-21.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.

Ложкова Т. А. Начальные страницы великой литературы для иностранных читателей // Филологический класс. 2017. №1 (47). С. 88-90.

Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 564-565.

Степанов Ю. С. Язык художественной литературы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 564-565.

лопедия, 1990. С. 608-609.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. 2 изд. испр. и доп. Т. 3: Записки охотника. 1847–1874. Певцы. М. : Наука, 1980а. С. 208-225.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. 2 изд. испр. и доп. Т. 4: Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854. Муму. М. : Наука, 1980б. С. 246-272.

Шахбанова Р. М., Горбанева А. Н. Роман И. С. Тургенева «Рудин» в критике 50–60-х годов XIX века // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 443-445.

Швецова Т. В. «Уход из мира» как нравственный поступок в мире героев И. С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Часть II. С. 203-206.

Шмелев А. Д. «Широкая» русская душа // Русская речь. 1998. № 1. С. 48-55.

REFERENCES

Gareeva L. N. Sub"ektnaya organizatsiya proizvedeniy I. S. Turgeneva kak sposob psikhologicheskogo izobrazheniya cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 10.01.01 – russkaya literatura. Izhevsk, 2009. 25 s.

Ermolenko S. I. Literatura «vtorogo ryada» i stanovlenie russkogo psikhologicheskogo romana // Ural'skiy filologicheskij vestnik. Seriya : Russkaya klassika : dinamika khudozhestvennykh sistem. 2014. № 3. S. 5-23.

Zyryanov O. V. V storonu glavnogo rusla klassicheskoy literatury // Russkaya slovesnost'. 2016. № 5. S. 7-21.

Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. M. : CheRo, 2003. 349 s.

Lozhkova T. A. Nachal'nye stranitsy velikoy literatury dlya inostrannykh chitateley // Filologicheskij klass. 2017. №1 (47). S. 88-90.

Slyusareva N A. Funktsii yazyka // Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 564-565.

Stepanov Yu. S. Yazyk khudozhestvennoy literatury // Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Yartseva. M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 608-609.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 t. Soch. : v 12 t. 2 izd. ispr. i dop. Т. 3: Zapiski okhotnika. 1847–1874. Pevtsy. М. : Nauka, 1980а. S. 208-225.

Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 t. Soch. : v 12 t. 2 izd. ispr. i dop. Т. 4: Povesti i rasskazy. Stat'i i retsenzii. 1844–1854. Муму.

М. : Nauka, 1980b. S. 246-272.

Shakhbanova R. M., Gorbaneva A. N. Roman I. S. Turgeneva «Rudin» v kritike 50–60-kh godov XIX veka // Mir nauki, kul'tury, obrazova-niya. 2018. № 1 (68). S. 443-445.

Shvetsova T. V. «Ukhod iz mira» kak npravstvennyy postupok v mire geroev I. S. Turgeneva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 3 (33). Chast' II. S. 203-206.

Shmelev A. D. «Shirokaya» russkaya dusha // Russkaya rech'. 1998. № 1. S. 48-55.